

СВЕТАШОВА Юлия Александровна

**КОНСТРУКЦИЯ С РЕПРЕЗЕНТИРУЕМОЙ РЕЧЬЮ:
СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

**Москва
2009**

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Московского педагогического государственного университета

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
профессор НИКОЛИНА Наталия Анатольевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор ШАПОВАЛОВА Татьяна Егоровна

доктор филологических наук,
доцент ГЕЙМБУХ Елена Юрьевна

Ведущая организация:
Институт русского языка РАН имени В.В. Виноградова

Защита диссертации состоится «18» апреля 2020 г. в 14:00 часов
на заседании диссертационного совета Д212.154.07 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 119991, Москва,
ул. Малая Пироговская, д.1, ауд. № 305.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
педагогического государственного университета по адресу: 119991, Москва,
ул. Малая Пироговская, д.1.

Автореферат разослан «18» апреля 2009 года.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000624369

Учёный секретарь
Диссертационного совета

М. Саф

САРАПАС М.В.

В центре внимания реферируемого диссертационного исследования – мало освещенная в лингвистической литературе синтаксическая единица, для которой нами вводится специально созданный термин – *конструкция с репрезентируемой речью*¹. Приведем примеры структур, рассматриваемых в работе: «*Что я такое? что из меня будет?*» – думал он и слышал суровое: «*Учись, вон как учатся Саврасов, Ковригин, Малюев, Чудин, – первые ученики!*» (И. Гончаров); «*Следовало бы, – говорит он, – взять более резкий и типический случай, которых много ходит в устных рассказах. Это решительное «следовало бы» замечательно в устах начинающего писателя, который сам называет себя поклонником и учеником Гоголя*» (Н. Некрасов).

В представленных контекстах вводимое чужое высказывание реализует объектную валентность предиката (занимая в предложении позицию дополнения или подлежащего) и сопровождается атрибутивным распространителем в форме среднего рода (в иных случаях множественного числа), что послужило основанием для рассмотрения подобных структур в рамках окказиональной субстантивации ([Высоцкая, 2006], [Ким, 1978], [Редькина, 2003], [Смирнова, 2007], [Цой, 1986] и др.). Выбирая выделенные конструкции в качестве **объекта исследования**, мы предлагаем характеризовать их в рамках синтаксиса текста и описывать *содержательный и формальный аспекты* связи в них, обуславливающие особенности их функционирования (**предмет** нашего исследования), с учетом их специфики – наличия двух линий сообщения (автора и не-автора).

Внутренняя форма термина, предложенного нами для описываемой языковой единицы, – лат. *repraesentare* 1) *наглядно представлять*; 2) *восстанавливать, возобновлять*; 3) *воспроизводить, подражать* – отражает общее значение синтаксического целого (конструкция с репрезентируемой речью содержит чужую речь, представленную «объектно», позволяя описать её как нечто цельное в единстве с актом говорения, ввести высказывание в принимающий контекст как объект рефлексии). Традиция терминирования вводимого компонента конструкций с чужой речью предполагает сохранение параллелизма с терминами «прямая речь», «косвенная речь», «тематическая речь», «несобственно-прямая речь». А включение её в ряд конструкций обусловлено тем, что конструкция с репрезентируемой речью представляет собой синтаксическое целое, «1) *завершенное*, с вполне определёнными формальными границами, 2) *имеющее внутреннюю формальную организацию* (организацию, отвечающую определённому принципу), соответствующую определённому смысловым – высокой степени абстракции – отношениям между компонентами и 3) *реализующееся в речевых произведениях разного семантического содержания и разного коммуникативного назначения*» [Прияткина, 2006, с. 145].

¹ Данная конструкция как способ передачи речи появилась в прозе начала XIX в. (предположительно в результате синтаксического калькирования в связи с развитием повествовательных техник) и до XX в. была сравнительно редкой; она ещё не подвергалась специальному изучению.

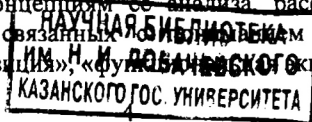
Комплекс проблем, требующих решения в связи с затронутой тематикой, чрезвычайно разнообразен. В диссертационном исследовании предлагаются теоретические основания для интерпретации ряда языковых единиц в рамках транспозиционных процессов, взаимодействия предикации и номинации, синтагматического развертывания текста/дискурса. Привлечение широкого круга конструкций, представляющих фон для описания рассматриваемой синтаксической структуры и необходимых для делимитации её границ, позволило не только осветить механизмы нарушения синтагматических закономерностей и «функционального перекрытия языковых ярусов» (О. Лешка), но и выявить грамматические, семантические и референциальные особенности конструкций, передающих чужую речь, предложить опыт их типологии.

Предлагаемая трактовка природы и свойств конструкций, воспроизводящих речь, дает возможность как пересмотреть под новым углом зрения практически неупорядоченный на сегодняшний день массив единиц, содержащих отсылку к высказыванию другого субъекта, так и уйти от узкой и одноплановой трактовки триады синтаксических шаблонов (конструкция с прямой речью, конструкция с косвенной речью, несобственно-прямая речь) как основы для описания феномена чужой речи. Многие структуры, воспроизводящие речь или связанные с актом высказывания, нуждаются в фиксации и интерпретации, однако составляют маргиналии различных разделов языкознания и не получают объяснения. Поэтому описание новой конструкции, передающей чужую речь, представляется актуальной задачей.

Актуальность предпринятого исследования определяется в первую очередь дискуссионностью многих принципиальных вопросов теории чужой речи. Об интересе лингвистов к этому феномену свидетельствует появление большого числа работ по данной проблематике ([Максимова, 2006], [Смирнова, 2006], [Чой Чжи Ен, 2001] и др.), в т.ч. методических ([Маринченко, 2006], [Филимонова, 2002] и др.) и содержащих анализ конкретных идиостилей ([Петросян, 2008], [Семенова, 2004], [Сопочкина, 2003] и др.), все они демонстрируют необходимость как «обновленной проблематизации» (В.Н. Волошинов) явления чужой речи, так и создания теоретической базы для прикладных исследований. Недостаточное понимание синтаксической и референциальной специфики конструкции с репрезентируемой речью делает, на наш взгляд, некорректными классификации языкового материала других ярусов языка.

Целью данного исследования является обоснование необходимости выделения новой конструкции, вводящей чужую речь, и многоаспектное описание её структуры, семантики и функционально-стилевой специфики в системе конструкций, передающих чужую речь. Для достижения указанной цели в работе поставлены и решены следующие задачи:

1) **вычлени**ть контексты, в рамках которых ранее изучался языковой материал, описываемый нами как конструкция с репрезентируемой речью, дать оценку лингвистическим концепциям её анализа, рассмотреть ряд вопросов теоретического характера, связанных с содержанием терминов «субстантивация», «транспозиция», «функционального эквивалентность»;

2) охарактеризовать уровневый статус единиц, составляющих данную конструкцию, в связи с проблемой транспозиции и законами синтагматики; рассмотреть конструкцию в ряду смежных структур и очертить её границы;

3) осветить основные направления разработки проблем синтаксиса чужой речи в отечественной языковедческой традиции и выявить нерешенные вопросы;

4) учитывая опыт исследования проблемы цитации зарубежными лингвистами и логиками, предложить типологию конструкций с чужой речью и определить место в ней конструкции с репрезентируемой речью;

5) определить логическую основу семантической организации данной конструкции, описать особенности референции компонентов, её составляющих, выделить её разновидности по типу передаваемой информации;

6) выявить грамматические и структурные особенности этой конструкции, определить её место в системе синтаксических единиц языка;

7) рассмотреть особенности функционирования конструкции с репрезентируемой речью, связать её структурно-грамматическую специфику с использованием в различных функциональных стилях современного русского языка и её текстовыми функциями.

Реализации этих задач способствует применяемый в работе комплексный описательно-аналитический метод, основанный на наблюдении, контрастивном сопоставлении, интерпретации, обобщении и типологизации фактов языка и речи. Характер материала обусловил использование в ряде случаев трансформационного метода, а также отдельных приемов дистрибутивного, компонентного, контекстологического, семиотического и системного анализа.

Исследование проводилось на обширном языковом материале, основу которого составляют данные русского языка, полученные методом сплошной выборки из текстов XIX – начала XXI вв. различной функционально-стилевой принадлежности (в т.ч. произведений различных жанров Интернет-коммуникации), составившей более 2000 единиц, а также данные английского и немецкого языков, привлекаемые для сопоставления. В диссертации также анализируются примеры из Национального корпуса русского языка. Нередко в полемических целях приводились иллюстрации из работ других исследователей.

Методологической основой работы стали исследования по теории транспозиционных процессов Ш. Балли, А. Сеше, Л. Теньера; работы Ф. де Соссюра, М.М. Бахтина, В.А. Звегинцева, с разных позиций освещающие фундаментальные дихотомии языка и речи, предложения и высказывания; статьи Э. Бенвениста, Ж. Рей-Дебов и Ф. де Бранте о делюкутивах; описание системы конструкций с чужой речью в синхронии и диахронии в трудах В.Н. Волошинова, А.М. Молоткова, Г.М. Чумакова; современные зарубежные логико-лингвистические теории цитации Д. Дэвидсона, Ф. Реканати, П. Сака; исследование референции высказывания в рамках логического анализа языка Н.Д. Арутюновой, Е.В. Падучевой; развитие Е.В. Падучевой и А.А. Зализняка идеи о семантической структуре высказывания как концептуальной структуре фрагмента действительности; интерпретация фигуры Наблюдателя в работах В.В. Виноградова, Ю.Д. Апресяна, Е.В. Падучевой; нарратологические исследования В. Шмида, Б.А. Успенского, И.Р. Гальперина; работы о

разнообразных проявлениях «метаязыка в языке» Р.О. Якобсона, Ф. де Бранте, Дж. А. Льюси, Ж. Рей-Дебов.

В процессе исследования были получены следующие результаты (сформулированы в виде положений, выносимых на защиту):

1. Типология конструкций, передающих чужую речь, может быть построена на основе следующих критериев: 1) конструктивного, связанного с использованием / неиспользованием специальной синтаксической структуры для передачи речи, 2) прагматического, отражающего намерение говорящего употребить *план выражения* субъекта передаваемой речи в своём сообщении или выступить *автором* речи, передавая только её смысл, а также цель, с которой вводятся говорящим слова другого лица.

2. Конструкция с репрезентируемой речью является особой компрессивной структурой, передающей чужую речь, использующей план выражения субъекта речи и одновременно вербализующей рефлексии актуального говорящего над вводимым высказыванием, его фрагментом или отдельным его аспектом.

3. Значение конструкции с репрезентируемой речью определяется воспроизведением коммуникативного акта (ситуации актуального высказывания) с целью её оценки / интерпретации, в связи с этим обязательными компонентами данной полипропозитивной структуры являются вводимое высказывание, предикат включающего предложения (преимущественно представленный глаголами восприятия, эмоции и звука / звучания) и атрибутивные распространители, отражающие параметры воссоздаваемой коммуникативной ситуации.

4. Общее значение конструкции с репрезентируемой речью конкретизируется в трех её разновидностях: интродуктивной, итеративной и сентенциальной.

5. Участие в оформлении отрезка предшествующего высказывания в качестве самостоятельной единицы определяет бифункциональность шифтерных средств в итеративной разновидности конструкции: посессив представляет во включающем предложении субъекта речевого действия, а демонстратив отсылает к конкретному речевому произведению, служит средством когезии и облегчает удержание реплики в фокусе внимания.

6. Особенности структуры и семантики конструкции с репрезентируемой речью – представление речевого события преимущественно с позиции слушающего, наличие строевых компонентов с семантикой оценки и инкорпорированного участника-Наблюдателя – предопределяют возможности её использования в различных функциональных стилях и типах дискурса, а также диапазон её текстовых функций (1) участие в организации структуры повествования, 2) создание оценочной перспективы текста и 3) использование в качестве средства генерализации).

7. От внешне подобных конструкций (метонимических структур, обеспечивающих прогрессию дискурса, неоднословных аппозитов и сентенциальных делокутивных номинаций) конструкция с репрезентируемой речью отличается предикативностью вводимого компонента (выполняющего функцию *высказывания*), отмечаемой в противовес деактуализованной

предикации сентенциальных элементов иных образований, используемых в функции *наименования*.

Новизна исследования состоит, таким образом, в том, что в научный обиход введена новая структура, передающая чужую речь, определено её место в системе конструкций с чужой речью, описаны её структурно-семантические и функционально-стилистические особенности. В рамках исключения конструкции с репрезентируемой речью из одномерных классификаций единиц других ярусов языка предложены типологии субстантиватов и конструкций с чужой речью.

Работа вносит определённый вклад в интерпретацию феномена прямой речи, изучение делюкутивных образований и описание разнообразных языковых механизмов, действующих в сфере номинации, вербализации и синтаксической линейизации, – в этом состоит её **теоретическая значимость**. В диссертационном исследовании также впервые целостно представлены ведущие зарубежные логико-лингвистические концепции цитации, лишь эпизодически отражённые в работах на русском языке, в результате восстановлен контекст этой интереснейшей проблемы логики, семантики и философии языка (разграничение языка и метаязыка, употребления и упоминания, типа и экземпляра знака), показана возможность использования результатов её разработки в освещении нерешённых вопросов синтаксиса и референции высказываний, содержащих чужую речь. С теоретической точки зрения данные настоящей работы могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях по следующим направлениям: синтаксис и стилистика конструкций с чужой речью, исследование делюкутивных номинаций, автономного употребления языкового знака, синтаксиса неоднословных наименований, структуры дейктического поля языка, текстовых функции конструкций, композиции наррации (в т.ч. при изучении данных феноменов на материале других языков).

Практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что выводы по результатам комплексного анализа конструкции и связанных с ней проблем транспозиции могут стать основой спецкурса или спецсеминара в высшем учебном заведении, а материалы исследования могут использоваться в дальнейших научных разработках, в т.ч. как основа для упорядочения правил пунктуации, связанных с использованием конструкции с репрезентируемой речью, и теоретическая база для включения субстантиватов в словари различных типов в практике авторской и общей лексикографии.

Исследование открывает новые возможности и перед практикой преподавания ряда вузовских курсов («Словообразование современного русского языка», «Синтаксис современного русского языка», «Лингвистика текста», «Филологический анализ текста», «Стилистика современного русского языка»), оно также может представлять интерес для совершенствования процедуры анализа художественных текстов (преимущественно прозаических), их интерпретации.

Апробация работы проводилась в рамках международных научных конференций («Проблемы авторской и общей лексикографии» – Брянск, октябрь 2007 г., «Активные процессы в морфологии и синтаксисе» – Москва, июнь 2008 г., XXXI Международные Толстовские чтения, посвященные 180-летию со

дня рождения Л.Н. Толстого, – Тула, сентябрь 2008 г., «Активные процессы в различных типах дискурсов» – Москва, июнь 2009 г., «А.И. Цветаева: жизненный путь и творческое наследие» – Москва, сентябрь 2009 г., «Современные проблемы лексикографии» – Гродно, октябрь 2009 г.), III Всероссийской научной конференции «Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре» (Санкт-Петербург, октябрь 2008 г.), межфакультетской ежегодной научной конференции «Максимовские чтения» (март 2008 г.), заседаний аспирантских методических объединений кафедры русского языка МПГУ. Теоретические принципы и основные положения диссертации отражены в 10 публикациях общим объемом 3,75 п.л.

Структура диссертации определяется её целью и основными задачами: работа (общим объемом 294 страницы) состоит из Введения, четырех глав, Заключения и библиографического списка, насчитывающего 540 наименований, из них 117 на иностранных языках. Материал, составляющий главы, разбит на две части.

Часть первая (1 и 2 главы) включает два лингвистических очерка – о традициях изучения единиц, описываемых нами как конструкции с репрезентируемой речью, и об основных подходах к явлению чужой речи. Анализируемый материал неоднократно попадал в зону исследовательского внимания, однако, думается, не был осмыслен целостно.

Показательно, что языковые единицы, описываемые нами как составляющие конструкции с репрезентируемой речью, представляются в различных концепциях составляющими периферию явлений синтаксиса, морфологии и теории номинации (деривационной ономастологии), в зависимости от фокуса рассмотрения. В первой части диссертационного исследования мы выявляем основания такой интерпретации, осуществляя одновременно не только деконструкцию представленных теорий, но и разработку отдельных проблемных зон, – поэтому первая часть не противопоставляется последующим главам и также носит исследовательский характер.

Вторая часть (3 и 4 главы) диссертационной работы опирается на принципы описания конструкций с чужой речью, выработанные в первых главах исследования, и посвящена структурно-семантической характеристике конструкций с репрезентируемой речью и её функционированию, определению её статуса как единицы языка. В Заключении подводятся итоги исследования и определяются его перспективы. Библиография содержит список использованных нами исследовательских работ, а также перечень словарей и грамматик.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** рассматриваются актуальность и новизна настоящего исследования, формулируются его цели и задачи, определяются объект и предмет, материал и методы исследования, характеризуются теоретическая и практическая значимость результатов работы.

В **первой главе «История изучения конструкции: контексты и концепции»** рассмотрены те контексты, в которые ранее включался анализируемый материал как предмет изучения. В центре внимания § I.1

«Конструкция с репрезентируемой речью и проблема транспозиции неадъективных частей речи, словосочетаний и предложений» находится вопрос об уровне принадлежности элементов, составляющих конструкцию. Анализ материала и ряда классификаций языковых единиц показал необходимость исключения составляющих данной синтаксической структуры из сферы субстантивации (как окказиональные субстантиваты («метасубстантиваты») они рассмотрены в работах [Васильева-Шведе, Степанов, 1972], [Высоцкая, 2006], [Ким, 1978], [Редькина, 2003] и др.). Для этого были последовательно рассмотрены точки зрения лингвистов на субстантивацию (разновидность морфолого-синтаксического способа словообразования в рамках дериватологии ([Виноградов, 1975], [Земская, 1973; 1992], [Лопатин, 1967], [Шанский, 1968] и др.) и результат взаимодействия частей речи в рамках морфологии ([Бабайцева, 2000], [Бортз, 1977; 1979], [Высоцкая, 2006], [Ильенко, 1977] и др.), разобраны случаи субстантивации всех единиц языка «от фонемы до целого текста», скорректировано понятие окказиональности применительно к субстантиватам-признаковым словам² и предложена их классификация.

В её основу положены следующие критерии: 1) наличие / отсутствие мотивирующего прилагательного, 2) образование по действующей в языке модели или иным способом, 3) наличие / отсутствие конкретного предметного значения у субстантивата и его характер (константный / контекстно обусловленный), 4) наличие / отсутствие эллипсиса существительного. Неповторяющиеся комбинации признаков (см. таблицу 1) формируют 4 группы субстантиватов: I – существительные адъективного склонения, не имеющие отношения к субстантивации с точки зрения живых словообразовательных связей (*мостовая, легкие*); II – существительные адъективного склонения, мотивированные прилагательными, образованные по определённой словообразовательной модели (*наличные, жаропонижающее, бритоголовый; прекрасное* I ‘категория эстетики’ и *прекрасное* II ‘то, что является прекрасным’), III – окказиональные субстантиваты (*Вершитель судеб с растрепанной бородой был более впечатлительным. <...> «Значит, по-твоему, Гончаров вполне мог поболтать по телефону с Тургеневым?» – спросил более впечатлительный. А. Алексин. Домашний совет*), IV – эллиптические субстантиваты (*хирургическое* (отделение)).

Группа	Наличие мотивирующего прилагательного	Образование по модели	Наличие конкретного предметного значения	Эллипсис определяемого слова в синхронии
I	-	-	+	-
II	+	+(в т.ч. устар.)	+/-	-
III	+	-	(+)	-
IV	+	-	+	+

Табл. 1.

² Критерием признания субстантивированного прилагательного окказиональным субстантиватом считаем отсутствие «общего, типизированного словообразовательного значения» [Лопатин, 1967, с. 217], включающего данный субстантиват в одну из лексико-семантических групп (зафиксированных, например, в описательных грамматиках), т.е. образование не по действующим в языке моделям.

Транспонированные непризнаковые и неоднословные элементы в позиции субстантива (типа *твое "расстаться навсегда"*) отличаются от слов прилагательного склонения не только генетически, но и референциально (т.к. не имеют предметного референта в действительности, а соотносятся с высказыванием или его фрагментом). Именно исключение их из сферы действия субстантивной транспозиции и квалификация как конструкции, служащей для передачи чужой речи, позволяют систематизировать репрезентации феномена субстантивации.

Второе направление исследования контекстов, содержащих анализируемую конструкцию, представлено в § 1.2 «Конструкция с репрезентируемой речью и уровень предложения (попытка синтагматического рассмотрения)», где транспозиция единиц большей протяженности, чем слово, рассматривается в связи со способами выражения подлежащего, границами члена предложения и теорией функциональной эквивалентности. «Субстантивируемый "эквивалент" имени» (В.В. Виноградов) как подлежащее получает распространитель в форме именительного падежа, и это становится информацией и о его грамматическом статусе. Однако позиция, заполненная неодноэлементно, не является средством создания языковой единицы особого качества. Предложенные исследователями понятия «синтаксическая ассимиляция» [Чередниченко, 1963], «функциональное уподобление различных предикативных единиц членам предложения», «позиционная субстантивация коммуникативных единиц» [Верницкая, 1969, 1973, 1976], «позиционный эквивалент существительного» [Егорова, 1967] представляют лишь констатацию наблюдаемого, но не могут стать основой объяснительной теории. В рамках малого синтаксиса как следствие вовлечения предложений и их компонентов в сферу связи слов единицы, составляющие конструкцию с репрезентируемой речью, по нашей терминологии, рассматривает Н.Ю. Шведова [1966]. Она отмечает активность подобных образований в публицистике, но включает их в синтаксический ряд (т.е. «набор конструкций, которые в системе языка обладают способностью взаимозамещения» [Шведова, 1966, с. 6]) с аппозитивными структурами типа *Обывательская формула: «Война все спешит»*, что также вызывает возражения.

Приведенные контексты изучения единиц, составляющих конструкцию с репрезентируемой речью, показывают трудность с достаточной полнотой очертить даже границы исследуемого объекта (без понимания их природы), синтагматическое (основанное на линейном характере развертывания речи) рассмотрение в этой связи было дополнено в следующей части работы взглядом парадигматическим.

Параграф 1.3 «Конструкция с репрезентируемой речью и уровень слова (попытка парадигматического рассмотрения)» поднимает вопрос о результирующей категории неоднословных транспонированных единиц. Специфика конститuentов рассматриваемой синтаксической структуры показана здесь в ходе сопоставления с целью оформленными многокомпонентными окказиональными композитами, активизировавшимися в русскоязычном сегменте сети Интернет (типа *я разучилась захватывать... вещи на всякий случай и ой так нужно так нужно* (из блога)), и со сходными образованиями в английском языке делокутивного происхождения (типа *this*

irritating oh-rob-I-need-time stuff (Н. Хорнби))³. Это позволило показать, насколько по-разному выражаются в двух языках сходные значения: то, что в аналитическом языке может получить оформление в слове (или в составе именной синтагмы) без введения дополнительных аффиксальных морфем, в русском требует специальных конструкций (часто именно конструкций, передающих чужую речь: ср. перевод приведенного композита Н. Хорнби: *это идиотское «ах, Роб, мне нужно время подумать»*) или дериватов-делокутивов (*давать* ← (*говорить*) *отвечать* «да» и др.). Т.о., парадигматический взгляд на результаты транспозиции единиц большей протяженности, чем слово, также привел к осознанию необходимости изучать свойства данных единиц с опорой на понятие *конструкции*.

В *выводах по главе I* подчеркивается, что понятия «транспозиция» (Ш. Балли, А. Сеше), «трансляция» (Л. Теньер), «деривация» (Е. Курилович) связаны не столько с идеями формирования новых лексических единиц, сколько с общими законами синтагматики, в ведении которой оказываются в числе прочих вопросы синтаксиса чужой речи. Таким образом, конструкцию с репрезентируемой речью как воспроизводимую модель передачи речи целесообразно описывать именно в системе конструкций, воспроизводящих чужую речь. В заключение рассмотрены работы, где намечалось рассмотрение описываемых единиц под этим углом зрения ([Ардентов, 1956]⁴, [Ткаченко, 1982]).

Во второй главе «Система конструкций с чужой речью в современном русском языке и место в ней конструкции с репрезентируемой речью» дается обзор исследований чужой речи с целью выявления места в ней конструкции с репрезентируемой речью, определения общего и особенного на фоне других структур, передающих речь.

В § II.1 «Разработка проблем синтаксиса конструкций с чужой речью в отечественной языковедческой традиции» проанализированы лингвистические работы, актуальные для описания новой конструкции: во-первых, исследования, показывающие развитие способов передачи чужой речи в истории русского языка ([Молотков, 1952; 1958; 1962], [Кодухов, 1953], [Старовойтова, 1988], [Камчатнов, 2004] и др.), во-вторых, работы, освещающие вопрос о составе конструкций, передающих чужую речь, как совокупности средств выражения ([Волошинов, 1930], [Иванова, 2003], [Мурзин, 1969], [Чумаков, 1977] и др.), а также описания отдельных конструкций с чужой речью ([Кодухов, 1957], [Инфантова, 1962а; 1962б], [Максимова, 2006], [Милых, 1961; 1962], [Харвег, 1978] и др.). В ходе их рассмотрения было выявлено, что далеко не все структуры, содержащие чужую речь, получили интерпретацию в рамках существующих типологий чужой речи (таковы, например, предложения с т.н. «новыми кватативами»: *А он типа все равно до весны ждать* (из блога)), т.е. не

³ Для характеристики подобных образований привлекаются исследования представителей Пражской школы лингвистического структурализма В. Матеизуса и Й. Вахека, которые описали их в терминах цитатных композитов (*quotational compounds, citační kompozita*).

⁴ Понятие *вставочной речи*, введенное Б.П. Ардентовым, подробно разбирается в главе III. Оно оценивается как попытка рассмотреть весь неохваченный традиционной триадой конструкций с чужой речью массив единиц в рамках одного типа, поэтому не может не вызвать возражений, хотя и представляет значительный фрагмент истории вопроса.

установлен репертуар синтаксических и стилистических модификаций конструкций с чужой речью; также нет удовлетворительного решения вопроса о синтаксическом статусе конструкции с прямой речью в современном языке, синтаксических отношениях и типе связи между частями конструкции с чужой речью.

В большинстве концепций за пределами рассмотрения оставлен синтаксический статус прямой речи (точно цитируемых / дословно воспроизведенных слов другого субъекта) – феномена, единого во всех проявлениях: и в составе специальной конструкции (конструкция с прямой речью, конструкция с репрезентируемой речью), и в предложениях любой структуры, когда она включается в качестве члена предложения или целой синтагмы. Иной взгляд на проблему чужой речи, включение её в контекст философских концепций, демонстрируют зарубежные исследования. Фрагмент разработки проблемы цитации (*quotation*), приведенный в § II.2 «Теории цитации в зарубежной логике и лингвистике XX века и проблемы рассмотрения чужой речи», позволил по-новому посмотреть на грамматику, семантику и референциальный статус прямой речи, а также описать синтаксическую специфику конструкций, её содержащих.

В зарубежной логике и лингвистике цитация рассматривается как важнейший инструмент, обеспечивающий реализацию метаязыковой функции языка, шире – одно из проявлений рефлексивности языка (*language reflexivity* [Lucy, 1993]). Иллюстрациями феномена цитаты служат контексты типа (1) «Жизнь трудно понять» – это предложение («чистая цитация», *pure quotation*); (2) Алиса сказала: «Жизнь трудно понять» (конструкция с прямой речью); (3) Алиса сказала, что жизнь «трудно понять» («смешанная цитация», *mixed quotation*)⁵.

Случаи «чистой цитации» исследуются со времен средневековой схоластики (в частности как *suppositio materialis* в рамках теории суппозиций термина). В математической логике для них предложены термины «автоним» (Р. Карнап, *Logische Syntax der Sprache*, 1934) и «упоминание» (У. ван О. Куайн, *Mathematical Logic*, 1940)⁶, противопоставленное «употреблению» выражений (*use-mention distinction*). Использование кавычек и выделение контекстов упоминания, во-первых, избавляет от логических парадоксов, являющихся следствием автореферентности языковых выражений⁷, во-вторых, маркирует референциально непрозрачные контексты. Разграничение употребления и упоминания применимо и в лингвистике: оно может стать средством объяснения межуровневого взаимодействия языковых единиц и поможет более четко определить место синтаксических конструкций с чужой речью в системе языка.

В реферируемой работе охарактеризованы ведущие теории цитации: теория цитаты как имени собственного (*The Proper Name Theory of Quotation*) А. Тарского – У. ван О. Куайна, теория цитаты как определённой дескрипции

⁵ Примеры из статьи [Cappelen, LePore 1997, p. 429].

⁶ До этого феномен описан Г. Фреге как особое функционирование «знаков знаков» («*Zeichen von Zeichen*») в работе *Über Sinn und Bedeutung* (1892).

⁷ С той же целью А. Тарский выделил в языке два уровня – *языка-объекта* и *метаязыка*, что позволило разрешить антиномии, возникающие в семантически замкнутых языках (*The Semantic Conception of Truth and the Foundations of Semantics*, 1933).

(*The Definite Description Theory of Quotation*) А. Тарского – У. ван О. Куайна – П. Гича, демонстративная теория цитаты (*The Demonstrative Theory of Quotation*) Д. Дэвидсона и группа концепций, формирующих теорию цитаты как употребления (*Use Theory*) (Г. Фреге, К. Вашингтона, П. Сака и Ф. Реканати)⁸.

Основания приведенных теорий убеждают, что чужую речь, заключенную в кавычки и занимающую синтаксическую позицию имени (т.е. реализующую объектную валентность предиката), по отношению к принимающему контексту целесообразно анализировать хотя бы на первом этапе как некоторую элементарную единицу (идея, восходящая к У. ван О. Куайну и развиваемая Ф. Реканати), в то время как для описания введения чужой речи вне специальной конструкции с объектной валентностью на сентенциальный актант предпочтительна иная концептуальная рамка (в качестве таковой предложена идея автономной коннотации (*connotation autonimique*) Ж. Рей-Дебов, развиваемая Ж. Отье-Ревю). Это позволило представить конструкции, содержащие гетерогенные компоненты, как парадигматический ряд и рассмотреть вопрос о типе связи элементов конструкции с чужой речью. Мы пришли к выводу, что специфической синтаксической связи – «формальных, строевых отношений между компонентами синтаксической единицы, выявляющих смысловые связи – синтаксические отношения – выраженных средствами языка» [Белашапова, 1989, с. 540] – между элементами только как представляющими речь *иного говорящего* и новым контекстом *нет*⁹. Смысловая связь возникает в рамках принимающего контекста (и предопределена она валентной структурой включающего предиката) или на уровне целого текста / дискурса, где говорящий сопоставляет высказывания разных субъектов посредством типизированных форм контекстно-вариативного членения.

Предложенный далее (и отраженный в типологии чужой речи) парадигматический ряд конструкций, воспроизводящих речь, выявляет отличия его членов друг от друга, демонстрируя корреляционные связи с характером употребления знаков и функцией включающего высказывания. На фоне автономного употребления, внешне весьма схожего по характеру употребления знаков с конструкцией с прямой речью и конструкцией с репрезентируемой речью, последние отличаются передачей конкретного высказывания, результата реального акта предикации (*экземпляра*, используя разграничение *type / token* Ч. Пирса), в то время как в контекстах метаязыковой рефлексии выражение предстает скорее как *тип*, т.е. отличается от вышеназванных конструкций референциально и способом передачи речи не является.

Привлечение зарубежных логико-лингвистических концепций цитации, дающих целостное осмысление явления, позволило выделить критерии для построения типологии чужой речи, представленной в § II.3 «Конструкции с чужой речью в русском языке: опыт типологии»: конструктивный, связанный с использованием / неиспользованием специальной синтаксической структуры для передачи чужой речи, и прагматический, отражающий, во-первых, намерение говорящего употребить *код* субъекта передаваемой речи в

⁸ Название теорий – вслед за [Davidson, 1979], [Cappelen, LePore, 2007].

⁹ Вопреки интересной мысли Н.В. Максимовой о *метасвязи и метаотношениях* [2006, с. 102–103].

своем сообщении или выступить *автором*¹⁰ речи, передавая только её смысл, вторых, цель, с которой говорящий использует слова другого лица – исключительно передать речь или воспроизвести её с иной функцией (выразить несогласие со способом выражения, ироническое отношение к сказанному и пр.).

При построении типологии чужой речи принципиально важно учитывать единство феномена прямой речи во всех его манифестациях и предназначенность конструкции, передающей чужую речь, для вербализации ситуации речи. Опыт типологии чужой речи, в основе которого лежат выделенные признаки, представлен в таблице 2:

Разновидности чужой речи	Использование конструкции для передачи речи	Интенция передать речь является основной	Наличие прямой речи
Конструкция с прямой речью: Она сказала: <i>«Жизнь трудно понять»</i> .	+	+	+
Конструкция с косвенной речью: Она сказала, что жизнь трудно понять ¹¹ .	+	+	-
Конструкция с тематической речью: Она рассказала о своей жизни.	+	-	-
Конструкция с репрезентируемой речью: Её <i>«Жизнь трудно понять»</i> огорчило отца.	+	-	+
Свободная прямая речь: Она повернулась [./:] <i>«Жизнь трудно понять»</i> .	-	+	+
Вставки прямой речи как члена предложения: Она терпеливо вела жизнь, которую <i>«трудно понять»</i> . (в т.ч. различные эхо-реплики).	-	-	+
Смешанная цитация: Она сказала, что <i>«жизнь трудно понять»</i> .	+	+/-	+

Табл. 2.

Все вошедшие в типологию языковые единицы, содержащие чужую речь, демонстрируют наличие второго плана («речь в речи»), что делает необходимым уточнение самого понятия «конструкция» применительно к структурам, передающим чужую речь. Конструкция с чужой речью необходимо содержит факт передачи сообщения и предназначена именно для этого. Специфика отдельной конструкции, передающей речь, состоит в том, как отражается эта передача, используется ли план выражения предшествующей речи, как моделируется предшествующий коммуникативный акт и для чего, помимо простого сообщения о нём, чужая речь вводится в новый контекст.

¹⁰ Понятие «автора» отсылает к концепции И. Гоффмана, осуществившего декомпозицию понятия «говорящий» на аниматора (произносящего последовательность звуков), автора (подбирающего средства выражения) и принципала (представляющего позицию, точку зрения) [Goffman, 1981], использованную применительно к исследованию чужой речи М.-Б. Мосехард Хансен и выросшую в идею рассмотрения конструкции с прямой речью как полностью грамматикализованной формы (*fully grammaticalized structure*) кодового переключения (*code switching*) [Mosehaard Hansen, 2000, p. 317].

¹¹ В т.ч. бессознательные: *Моя жена говорит [./ -] вы с ней танцуете?* (Фед. – пример из [Русская грамматика, 1980]).

Моделирование коммуникативного акта осуществляется в рамках принимающего чужую речь контекста путем вербализации в нём параметров ситуации речи.

Использование плана выражения предшествующей речи, входящей в состав конструкции, предикат которой содержит актант на высказывание, обуславливает её референциальную специфику. При этом различие в референциальном статусе конститuentов в ряде случаев создает условия для нарушения регулярной синтагматики, и этому дается далее содержательная интерпретация.

Целесообразно также расширить представление о том, что может передаваться вводимым компонентом конструкций с чужой речью (и содержание понятия «прямая речь» соответственно). Характеризуясь иконичностью и миметичностью, вводимый фрагмент дискурса / текста может представлять собой асемантический отрезок речевого потока, различные звуки, графические знаки, которые, однако, соотносятся с конкретной внеязыковой ситуацией; акцентироваться может также отдельный аспект приводимого высказывания.

Данные положения, развернутые в *выводах по главе II*, стали основой структурно-семантического описания конструкции с репрезентируемой речью в **третьей главе** исследования, где данная структура рассмотрена как синтаксическая единица, конденсирующая содержание речи, передаваемое с помощью плана выражения *другого* субъекта-локутора, и информацию о факте её произнесения; иллокутивной целью говорящего при этом является рефлексия или оценка высказывания или его фрагмента.

В § III.1 «**Логико-семантическая организация конструкции с репрезентируемой речью как основа описания её структуры**» рассматривается структура события, кодируемого конструкцией, передающей речь.

Конструкция с репрезентируемой речью как синтаксический шаблон передачи речи наиболее близок конструкции с прямой речью, его можно признать в некотором роде трансформом последней, более сложным в силу того, что помимо передачи акта речи, говорящий преследует и иные цели (дать оценку приводимой реплике, показать её воздействие на адресата и пр.), выходящие за рамки простого сообщения о сообщении.

Полипропозитивная структура конструкции с прямой речью (см. рис. 1) воспроизводит логическую структуру со следующими составляющими: S_{loc} – субъект-локутор, субъектный центр вводящего компонента; P_{loc} – его речевое действие; Q – квалификаторы речевого действия, результатом которого становится высказывание (U); S_{adr} – адресат.

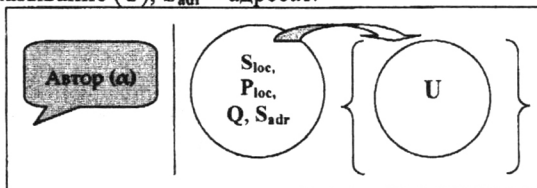

Рис. 1. Логико-семантическая организация конструкции с прямой речью.

Пример подобной структуры: Она (S_{loc}) мимоходом (Q) сказала (P_{loc}) Петру (S_{adr}): (U) «А, это ты!». Цель говорящего, автора высказывания (α), в данном случае – передать речь, сообщить о факте высказывания.

Структура конструкции с репрезентируемой речью (см. рис. 2) в трансформированном виде содержит означенные компоненты (они представляют во вводящем предложении рефлексы ситуации прямой передачи речи). Предложение-ввод имеет собственный предикатный центр (P), отвечающий цели говорящего (α) – оценить сказанное и факт речи, показать факт воздействия сказанного на адресата и характер этого воздействия.

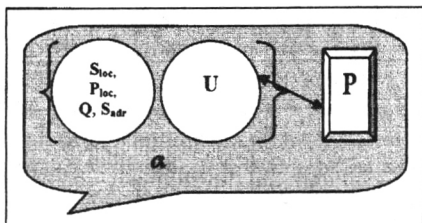

Рис. 2. Логико-семантическая организация конструкции с репрезентируемой речью.

Пример подобной структуры: Её (S_{loc}) (U) «А, это ты!», сказанное (P_{loc}) мимоходом (Q), огорчило (P) Петра (S_{adr}). Не всегда все выделенные возможности представлены в предложении-вводе. Показательно, однако, что очень многие контексты фиксируют не только субъекта-локутора и анафорический детерминант (наиболее часто встречающиеся разновидности), но и другие параметры ситуации.

Отличия в характере воспроизведения чужой речи позволяют говорить о трёх разновидностях конструкции с репрезентируемой речью: 1) *итеративной* (от лат. *itero* – повторяю, возобновляю), воспроизводящей фрагмент предшествовавшего высказывания: *Даже дома мне говорили: не делай ему столько добра, меньше делай... Знаешь, Абдулла, что я им ответил? “Буду делать”. А что я за это “буду делать” от него взамен получил?* (С. Афлатуни); 2) *интродуктивной* (от лат. *introducō* – ввожу, привожу в речь), максимально близкой конструкции с прямой речью, осуществляющей передачу речи без опоры на контекст: *Я норовила заглянуть в комнату и слышала оттуда тихое: «Геть!»* (Г. Щербакова); и 3) *сентенциальной* (от лат. *sententia* – мысль, изречение), вводящей воспроизводимые языковые единицы – пословицы, поговорки, афоризмы, сентенции, известные широкому кругу носителей языка: *Франц Баадер с полным правом заменяет Декартово *cogito ergo sum* формулой *cogitor ergo sum** (С. Франк).

Важно, что все три выделенные нами разновидности конструкции имеют отличия не только в прагматике и синтактике (в т.ч. в функционировании шифтерных средств), но и в грамматике (в значении граммема числа), что подтверждает нашу гипотезу об обусловленности свойств конструкции с репрезентируемой речью необходимостью отразить коммуникативный акт и выразить в рамках структуры его интерпретацию.

В § III.2 «Структура и грамматические особенности конструкции с репрезентируемой речью» охарактеризовано формальное устройство

конструкции. Обязательными для её строения мы считаем три компонента: предикат-носитель валентности на объектный актант, вводимое высказывание и атрибутивный распространитель.

Особенностью рассматриваемой конструкции является преобладание в составе предикатов включающего предложения глаголов восприятия, эмоции и звука / звучания (важным моментом семантической структуры подобных предикатов является наличие инкорпорированного участника (Наблюдателя), который усложняет дейктическую и субъектную перспективу высказывания). При этом предназначенность конструкции с репрезентируемой речью для рефлексии над сказанным или его фрагментом обуславливает то, что в представлении ситуации речи отражается, прежде всего, позиция слушающего / воспринимающего.

Параметры предшествующего коммуникативного акта находят выражение в атрибутивных распространителях, которые в составе конструкции могут вербализовать исходного говорящего в соответствии с дейктическими параметрами актуальной речевой ситуации, различные квалификаторы предшествующего речевого действия, особенности речевой манеры субъекта-локатора (артикуляцию, тембр, высоту), его внутреннее состояние, параметры конкретного высказывания (громкость, темп) и многое другое.

Интересную теоретическую проблему составляет использование шифтеров в итеративной конструкции. Анализ выявил их бифункциональность: участвуя в оформлении отрезка предшествующего высказывания в качестве самостоятельной единицы, посевив представляет во включающем предложении субъекта речевого действия (*– Правильно. Нодар! <...> // – Нич-чего не правильно. Вношу существенную поправку на твое "правильно"!* (Ю. Бондарев)); а демонстратив отсылает к конкретному речевому произведению, служит средством когезии и облегчает удержание реплики в фокусе внимания (*– Ну, и слава богу, это-то мне в вас и нравится. Чуете? // Это неожиданное простоватое "чуете?" прозвучало столь искренне, что Гавриил не мог сдержать улыбки* (Б. Васильев)). Так расширяются наши представления о поле указания и его связи с процессами номинации.

При рассмотрении формальной структуры конструкции с репрезентируемой речью обращает на себя внимание то, что передаваемая речь получает атрибутивный распространитель в форме среднего рода или множественного числа (последняя возможность отмечена и охарактеризована в работе впервые), таковы же граммы глагола-предиката во включающем предложении данной структуры. Утверждая отсутствие эллипсиса существительного в рамках конструкции с репрезентируемой речью и невозможность наследования его граммы, мы пришли к выводу, что согласовательный аффикс атрибутивного распространителя «отражает» семантику, а не грамматические свойства включенного высказывания.

Вводимая речь (высказывание) сопровождается распространителями среднего рода именно в силу его закреплённости за сущностями вне идеи пола. Характер связи между родоизменяемыми компонентами включающего предложения и вводимой речью определяется гетерогенностью частей конструкции: ввода с актуальной предикацией, принадлежащего уровню

действительности, и реплики, принадлежащей уровню высказывания, которая в составе ввода выступает как атомарный знак, его внутренняя организация не оказывает влияния на синтагматику и общее значение модели.

Семантика граммем числа распространителей отлична в трёх разновидностях конструкции с репрезентируемой речью. В *итеративной* разновидности множественное число – редкость. Выделяемая для последующего анализа единица становится дискретным объектом рефлексии / обобщенным обозначением ситуации, конденсатом высказывания, поэтому распространитель принимает форму единственного числа. Если в данном случае всё же встречается форма множественного числа, то она реализует одно из своих частных значений – гиперболическое (*– Здравствуйте, – совсем растерявшись, чуть слышно поздоровалась Александра. – Вот оно как – здрасьте, значит, – удивилась Василиса и рассердилась. – <...> Хромай, куды хромала, хромоножка, я не сахарная, от твоих «здрасьте» не растаю. Ишь ты, здрасьте, обходительная какая! <...> она на все лады повторяла злополучное «здравствуйте», произнесенное Александрой, словно оно не переставало её жалить* (В. Распутин)).

Множественное число в *интродуктивной* разновидности конструкции (при включении чужой речи в принимающий контекст как отдельной реплики) более частотно: оно указывает на повторяемость или неоднократность речевого события (*У него же работа такая / ты мне сама говорила. [2]. Знаешь / помоему / нормальные люди по ночам не работают! Мне эти его «я на работе» / «я на работе» достали / я просто уйду и всё! [1]* (Разговор в метро (2006) – пример взят из Национального корпуса русского языка); *Проф. // бубнит, тыча пальцем вверх, о слоях земной // атмосферы, что объясняет зной, // а не как из одной // точки попасть туда, где к составу туч // примешиваются наши «спаси», «не мучь», // «прости»...* (И. Бродский)). Формы единственного числа прагматически не осложнены и не нуждаются в специальном комментарии – вводится дискретная речевая единица, одно коммуникативное событие.

Граммемы числа *сентенциальной* разновидности конструкции с репрезентируемой речью отражают количество введенных воспроизводимых единиц (естественно, что формы единственного числа здесь более частотны).

В заключительном параграфе III главы «**Конструкция с репрезентируемой речью в системе синтаксических единиц**» приведены структурные схемы предложений, представляющих «минимальную конструкцию» ([Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 654]) данной синтаксической структуры – А в них соответствует атрибутивному распространителю, U – высказыванию, вводимой чужой речи, Р – опорному слову – предикату, носителю валентности на актанта U¹²:

[А (U) <₀ / - > Р]. (*Грустное «Привет» он произнес, проходя мимо,*

[Р А] <₀ / : > (U). (*Он произнес грустное: «Привет»,*

¹² В угловых скобках обозначены знаки препинания, которые удалось зафиксировать в примерах, встречающихся в художественной литературе. Заметим, что пунктуационных указаний (а также рекомендаций употребления прописной и строчной букв) в известных нам справочниках на этот счет нет, и представленное описание конструкции может стать основой упорядочения пунктуации при оформлении конструкции с репрезентируемой речью.

[Р А <в / : > (U) <в / , / - / , - > ...]. (Он произнес грустное: «Привет» и прошел мимо),

(U) <в / , > [А Р]. («Привет», произнесенное с грустью, расстроило его).

Вводимая чужая речь может находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции к включающему высказыванию, при этом контактное расположение атрибутивного распространителя является обязательным.

Конструкция с репрезентируемой речью, таким образом, соотносится с определённой структурной схемой и представляет собой интонационно оформленное синтаксическое единство, состоящее из двух (или более) предикативных частей, вербализует два или более события в их взаимосвязи и выступает в качестве целостной коммуникативной единицы.

Части конструкции с репрезентируемой речью синсемантически: без компонента «содержание речи» (восприятия, объекта оценки) включающее предложение структурно и семантически неполно. Как коммуникативная единица вводимая речь также не может включаться в контекст без изменения своего содержания в силу того, что она и принимающий контекст являются разными формами речетворческих актов (ср. с разновидностями контекстно-вариативного членения, по И.Р. Гальперину [2008, с. 52]), и её референтом является иная по содержанию ситуация – ситуация высказывания (vs. ситуация во внеязыковой действительности).

Конструкция с репрезентируемой речью представляет собой сложное предложение особого типа – полипропозитивную структуру с сентенциальным актантом. Если под предикативностью понимать наличие двух предикативных центров, вербализацию двух независимых актов предикации (ср. с определением Я.Г. Тестельца: «Клауза, включающая в себя хотя бы одну другую клаузу, называется сложной клаузой, или полипредикативной конструкцией» [2001, с. 256]), можно говорить и о полипредикативности рассматриваемой синтаксической структуры.

Примыкает к минимальной конструкции данной единицы её структурная разновидность, в которой вводящего носителя валентности на предикатный актант нет: *А большая часть отряда, отрезанная от своих, кинулась бежать по улице к восточному краю острова, и за ней по пятам с торжествующим «ура!» катилась толпа атакующих бойцов, на ходу работающих штыками* (С. Смирнов). Подобные синтаксические структуры мы причисляем к полипропозитивным конструкциям с сентенциальным сирконстантом. Включенная чужая речь в них обозначает речевое действие, сопутствующее действию субъекта, выраженному предикатом главной клаузы, в результате возникает обстоятельственная клауза.

В отличие от сложноподчиненного предложения, близкого конструкции с репрезентируемой речью по характеру отношений между частями, в рассматриваемой структуре эксплицитным показателем связи является обязательный компонент вводящей части – атрибутивный распространитель: его согласовательные граммы, принимая участие в моделировании коммуникативного акта в рамках конструкции (и что очень важно, интерпретации передаваемого высказывания), служат средством связи включенной чужой речи и предложения-ввода.

Задача определения синтаксического статуса конструкции с репрезентируемой речью усложнялась необходимостью вписать анализируемые синтаксические единицы в классификацию, ориентированную на другой принцип структурной организации предложения. Предложенное решение свидетельствует о необходимости разработки новой классификации сложных предложений (построенной, например, с учетом характера взаимозависимости частей сложной клаузы), которая позволила бы учесть разнообразие средств связи между конституентами сложного целого и показала бы структурное сходство двух конструкций, передающих прямую речь, – конструкции с прямой речью и конструкции с репрезентируемой речью¹³. В этом случае вопрос о «субстантивности» вводимой речи будет рассматриваться уже на более широком фоне структур с сентенциальными актантами и естественным образом включится в контекст синтагматики.

В четвертой главе «Функционирование конструкции с репрезентируемой речью (функциональная стилистика, текстовые функции, смежные явления)» выявленные особенности структуры и семантики конструкции связываются с возможностями её использования в различных функциональных стилях и типах дискурса, определяется диапазон её текстовых функций. Также многоаспектное описание конструкции способствовало более четкой делимитации её границ. В § IV.1 «Конструкция с репрезентируемой речью, делокутивные номинации и метонимические структуры (еще раз о границах конструкции)» компоненты анализируемой конструкции были рассмотрены на фоне единиц, внешне похожих на её элементы, в основе которых, однако, лежат иные языковые механизмы. Во-первых, охарактеризованы были вводимые анафорическими местоимениями фрагменты текста, которые трансформируются в единицу другого порядка – субститут ситуации (в широком смысле), ранее упомянутой или являющейся из контекста: *Так они и существовали: рядом, но не вместе. И это «не вместе» Старшов ощущал постоянно* (Б. Васильев). Главное отличие подобного типа структур от конструкции с репрезентируемой речью состоит в том, что вводимый фрагмент текста не является в прямом смысле речевым событием (конкретным высказыванием персонажа). В рассматриваемой структуре реализуется механизм метонимии. В силу своеобразной «лексической пустоты» единиц, встречающихся в подобных контекстах (как правило, это местоимения, модальные и служебные слова, некачественные наречия), их неспособность к номинативному употреблению, эти лексемы могут представлять весь предшествующий контекст, структурно с ними связанный, не помещая ни один из «полнозначных» компонентов в фокус внимания. Ресурсы данной метонимической структуры задействованы и в художественной прозе при построении экзегетического плана произведения.

От конструкции с репрезентируемой речью следует также отличать делокутивные номинации. Таковы, например, прозвища, которые давал

¹³ Если принять определение сложноподчиненной клаузы, приведенное Я.Г.Тестельцом (сложная клауза является сложноподчиненной, если в ней вложена другая клауза [2001, с. 257]), то проблем отнесения конструкции с прямой речью и конструкции с репрезентируемой речью к одному типу сложных предложений не возникает.

родным и знакомым А.А. Реформатский: *Три раз профессор звали – под таким девизом фигурировала приятельница детства Дунечка, Е.М. Галкина-Федорук, именно в таких выражениях как-то описавшая свои ученые успехи* (М. Реформатская). Отличие подобных образований сентенциальной структуры от конструкции с репрезентируемой речью состоит в том, что в них ослаблены предикативные признаки. В анализируемой конструкции же предикативность вводимого компонента (и соответственно функция *высказывания*¹⁴) сохраняется – конструкция предназначена для введения речевого события, которым денотирован определённый пласт внеязыковой действительности.

Необходимо, наконец, отграничивать от конституэнтв рассматриваемой синтаксической единицы неоднословные компоненты аппозитивных структур (нередко делокутивного происхождения). Аппозитивная конструкция оформляет атрибутивно-квалификативные отношения и характеризуется имплицитной предикативностью (предикативные отношения возникают между ядром конструкции и аппозитом – существительным, детерминирующим принадлежность объектов, названных ядром, к классу объектов действительности). Аппозиты – напр., *жанр (Почему одни женщины все везут на себе сами, а другие успешно работают в жанре “каждый сам ему приносит и спасибо говорит”?)* (Б. Рынска)), *формула, принцип, девиз, курс* и др. – представляют обозначение класса объекта, а соположенные сентенциальные структуры выделяют его из ряда подобных (т.е. реализуют функцию *наименования*). Конструкция с репрезентируемой речью оформляет два независимых акта предикации, и синтаксические отношения между её элементами: вводимым высказыванием, предикатом с валентностью на сентенциальный актанта, и атрибутивным распространителем – другой природы.

Установление границ конструкции обнажает механизмы языка, кристаллизованные в той или иной синтаксической модели. В приведённом ряду синтаксических структур конструкция с репрезентируемой речью представляет синтаксическую единицу, 1) передающую высказывание, отражающую речевое событие, которое составляет элемент, референциально и денотативно отличный от принимающего контекста (в этом данная конструкция противопоставлена метонимическим структурам, обеспечивающим прогрессию дискурса, с одной стороны, и аппозитивным сочетаниям и делокутивам, с другой), 2) вводимый компонент которой обладает предикативностью, что позволяет ей реализовать функцию высказывания (в этом конструкция с репрезентируемой речью противопоставлена всем охарактеризованным типам структур).

Далее в § IV.2 «Конструкция с репрезентируемой речью в системе способов передачи чужой речи в русском языке: синхрония, диахрония и история» освещаются собственно вопросы функционирования конструкции. Представленность её в том или ином стиле речи связана с уместностью в данной подсистеме языка рефлексии: вербализация результатов ментальной операции рефлексии характерна для научного и публицистического стилей, спонтанная рефлексия связана с эмоционально-аффективной сферой и проявляется в

¹⁴ Ср. с выделением Я. Кухаржем функций *наименования* и *высказывания* как двух полюсов использования языковых средств разных уровней [1974, с. 274].

разговорной речи. Вполне естественно то, что в текстах официально-делового стиля случаев использования конструкции не обнаружено.

Особо был рассмотрен экстралингвистический фактор активизации данной синтаксической структуры в одной из подсистем языка – в языке Интернета. Распространенность её в составе комментирующих реплик в диалогических жанрах коммуникации мы считаем следствием возникновения новой формы контекстно-вариативного членения, специфичной для Интернет-коммуникации, и установки на рефлекссию, ответную позицию по отношению к чужому слову.

Преимущественной сферой использования рассматриваемой конструкции является художественная проза, что подробно освещено в § IV.3 «**Текстовые функции конструкции с репрезентируемой речью**». Взаимозависимость текстовых функций конструкций с чужой речью (осуществляющих в целом текста контекстно-вариативное членение) и композиции наррации мы показываем, акцентируя три основные особенности структурно-семантической организации конструкции с репрезентируемой речью – представление речевого события с позиции слушающего, наличие строевых компонентов с семантикой оценки и инкорпорированного участника-Наблюдателя. Круг функций конструкции может быть сведен к трём основным: 1) созданию оценочной перспективы текста, 2) использованию в качестве средства генерализации и 3) организации структуры повествования, все они связаны с взаимодействием при её употреблении двух базовых функций языка (по Р.О. Якобсону) – метаязыковой и поэтической, являясь отражением способности «и сообщения и кода» – орудий речевой коммуникации – выполнять «двойную роль, выступая в качестве не только орудия, но и объекта речи» [Якобсон, 1972, с. 95].

Наш анализ функционирования конструкции с репрезентируемой речью в связи с особенностями её устройства был направлен на выявление инвариантного диапазона её возможностей, круга допустимых значений синтаксической схемы, которая является составной частью семантической программы высказывания, предшествующей выбору конкретных средств его объективации, – она представляет то, какая сторона передаваемой внеязыковой действительности и с какой целью выдвигается говорящим на первый план. Структурное своеобразие конструкции («перекрывание уровней высказывания», обусловленное выстраиванием иерархии предметов высказывания) и сравнительную редкость её использования мы связываем с соединением в ней передачи речи с оценкой / рефлексией, что является проявлением *комплексированности* – «результата более сложной смысловой обработки отражаемых в сознании говорящего связей и отношений <...> действительности» [Зимняя, 2001, с. 189].

Таким образом, описание новой конструкции мы построили не столько на простой фиксации её структурно-семантических и функциональных особенностей, сколько на стремлении связать её интерпретацию с рядом теоретических вопросов: уточнить её место в системе конструкций с чужой речью и синтаксических единиц языка, охарактеризовать её в связи с общей проблематикой транспозиции и синтагматического развертывания, выявить

механизмы корреляции семантики предиката и аргументов в составе конструкции.

В **Заключении** подводятся итоги и освещаются перспективы исследования. Отмечается, что помимо многоаспектного описания структуры, ранее не рассматривавшейся в системе способов передачи чужой речи и синтаксически не охарактеризованной, в работе были пересмотрены многие из положений, не подвергавшихся ранее критике и /или декомпозиции: окказиональность субстантивации, уникальность устройства конструкции с прямой речью, функции дейктических средств, основания классификации сложных предложений, инвентарь типов связи между частями полипредикативного единства, структурная организация и референциальные свойства конструкций с чужой речью. Все это, несомненно, должно стать составной частью проблематики дальнейших научных разысканий.

Материал и основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

1. **Светашова Ю.А.** Конструкция с репрезентируемой речью в системе синтаксических единиц современного русского языка // Преподаватель XXI век. – 2009, № 2. – С. 336–340. – 0,25 п.л.
2. **Светашова Ю.А.** Об одном способе передачи чужой речи в русской прозе XIX века // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2008. Том IV, часть 3. Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. – СПб.: Наука, 2008. – С.255–261. – 0,3 п.л.
3. **Светашова Ю.А.** Субстантиваты в произведениях В.А. Жуковского // Русский язык в школе. – 2008, № 1. – С. 45–50. – 0,6 п.л.
4. **Светашова Ю.А.** Субстантивация как способ воспроизведения чужой речи // Активные процессы в современной грамматике. Материалы международной научной конференции 19–20 июня 2008 года. – М.–Ярославль: Ремдер, 2008. – С. 247–252. – 0,3 п.л.
5. **Светашова Ю.А.** Окказиональна ли метасубстантивация? // Российский лингвистический ежегодник. – 2008. Вып. 3 (10). – Красноярск, 2008. – С. 176–184. – 0,6 п.л.
6. **Светашова Ю.А.** Заметки о воспроизведении чужой речи в диалогических жанрах Интернет-коммуникации // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и Интернет-коммуникация. Материалы международной конференции. – М.-Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 436–441. – 0,25 п.л.
7. **Светашова Ю.А.** Об одном способе передачи чужой речи в русской прозе XIX века // Русский язык XIX века: эпоха новаций в русской языковой культуре: Тезисы III Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 21 – 24 октября 2008 г.). – СПб: ООО «Изд-во “Лема”». – С. 34. – 0,1 п.л.
8. **Светашова Ю.А.** Проблемы составления словаря субстантиватов в русской поэзии XIX–XX веков // Проблемы авторской и общей лексикографии: Материалы международной научной конференции. – Брянск: РИО БГУ, 2007. – С. 65–69. – 0,25 п.л.

9. *Светашова Ю.А.* К вопросу о лексикографировании субстантиватов // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сборник научных трудов. – Гродно: изд-во Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, 2009. – С. 22–25. – 0,4 п.л.

10. *Светашова Ю.А.* «Ты» и «Вы» в прозе Л.Н. Толстого // Толстовский сборник – 2008. Л.Н. Толстой – это целый мир: Материалы XXXI Междунар. Толстовских чтений, посвященных 180-летию со дня рождения Л.Н. Толстого: В 2 ч. Ч. I. – Тула: Изд-во Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, 2008. – С. 51–62. – 0,7 п.л.

